

## МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГИИ СОВЕТСКОГО ПОДВИГА В ЛИТЕРАТУРЕ И КУЛЬТУРЕ 1920–1940-х гг.

**О.А. Скубач**

Алтайский государственный  
университет

helga-sk@mail.ru

В 1920–1940-х гг. советская культура активно ищет новый тип героической личности и формирует концепцию подвига. Искусство и особенно литература широко используются для этой цели.

Специфическая идеология героизма складывается в стране не сразу. Элементарная семантика подвига, предполагающая выделенность, персонализацию исключительной личности, противоречит духу революционной культуры, которая ставит коллективистские ценности выше, чем любые проявления индивидуализма. Подвиги периода Гражданской войны воспринимаются современниками как подвиги коллективные, а потому – анонимные. По большому счету, эта эпоха не нуждается в героях. Активное формирование идеологии героизма началось в стране в 1930 г., когда впервые была модернизирована наградная система СССР, и продолжалось на протяжении всего десятилетия. В период Великой Отечественной войны концепция героизма достигает высшей точки своего развития. Определяющими факторами здесь являются не только количество действительных проявлений мужества, но и отлаженная работа идеологического аппарата.

Понятие подвига условно, конвенционально. В реальной военной ситуации грань, которая отличает героическое поведение от поступков, вызванных пребыванием в экстремальной ситуации, часто бывает неощутима. Однако концепция подвига – необходимый элемент самоидентификации культуры. В этом качестве подвиг творится не столько на поле боя, сколько рождается позднее, благодаря работе идеологических механизмов; некоторые из них рассматриваются в настоящей статье. Кроме того, в данной работе освещены отдельные характерные особенности советского героического канона военной поры.

**Ключевые слова:** советская культура, идеология, подвиг, Гражданская война, Великая Отечественная война.

## MECHANISMS OF FORMATION OF THE SOVIET HEROIC IDEOLOGY IN THE LITERATURE AND CULTURE OF THE 1920s–1940s

**O.A. Skubach**

Altay State University, Barnaul

helga-sk@mail.ru

In the 1920–1940 -ies Soviet culture is actively looking for a new type of heroic personality and creates the concept of heroism. The art and literature are widely used for this purpose.

Specific ideology of heroism is formed not at once in the USSR. Elementary semantics of feat involves the allocation of an extraordinary personality, it contradicts the spirit of revolutionary culture that puts collectivist values higher than any manifestation of individualism. Gestes of the Civil war period

are perceived by contemporaries as a collective feats, and therefore anonymous. We can say, this era does not need heroes. Active formation of the heroic ideology began in 1930 in the USSR, when it was made first modernized award system, and continued throughout the decade. During the Second world war the concept of heroism culminates its development. Determining factors are not only the amount of real courage, but also well-organized work of the ideological apparatus.

The concept of heroism is a conditional concept. The border that separates the heroic behavior from actions caused by being in an extreme situation, it is often imperceptible in a real war situation. But the concept of heroism is a necessary element of culture identity. In this sense, a feat not born on the battlefield, it born later, by the work of ideological mechanisms, some of which are discussed in this article. In addition, this article deals with some characteristics of the Soviet heroic canon of wartime.

**Key words:** Soviet culture, ideology, feat, the Civil war, the Great Patriotic war.

Своя, специфическая идеология героизма формируется в Советской России не сразу. Начало новой эпохи, наполненное бурями и потрясениями Первой мировой, двух революций, Гражданской войны, как может показаться, предоставляет богатые возможности для проявления героических сторон человеческой природы. Однако память о подвигах революционной поры сводится к сравнительно небогатому списку имен, среди которых подавляющее большинство – руководители революционного движения и военачальники, прославленные не столько героизмом конкретных деяний, сколько общей продуктивностью усилий по утверждению новой власти: В.К. Блюхер, С.М. Буденный, товарищ Артем (Ф.А. Сергеев), Г.И. Котовский, М.В. Фрунзе, В.И. Чапаев, Н.А. Щорс. Этой вполне лаконичной картине соответствует скупость наградной системы: вплоть до 1930 г. единственной наградой в Советском Союзе был орден Красного Знамени.

Революционная эпоха коллективистские ценности ставит неизмеримо выше, чем любые проявления индивидуализма. Характеризуя советские 1920-е, В. Паперный писал: «Культура 1 в соответствии со своими эгалитарно-энтропийными устремлениями почти не выделяет отдельного человека из массы, она его, в сущности, не ви-

дит. Субъектом всякого действия для Культуры 1 является коллектив»<sup>1</sup>. Элементарная семантика подвига, предполагающая выделенность, персонализацию исключительной личности, строго говоря, противоречит духу культуры, в которой обособиться от коллектива – в лучшем случае зазорно. Художественная литература, в силу своей специфики призванная воспроизводить ментальные стратегии культуры, сохранила примеры трансформированного в стиле эпохи восприятия подвига. В написанном в 1923 г. романе Д. Фурманова «Чапаев» попытка наградить красноармейцев, проявивших себя в Чипшинском сражении, заканчивается забавным казусом – бойцы дружно отказываются от награды: «Один из героических, особенно отличившихся полков наград не принял. Красноармейцы и командиры, которым награды были присуждены, заявили, что все они, всем полком, одинаково мужественно и честно защищали Советскую республику, что нет среди них ни дурных, ни хороших, а трусов и подавно нет, потому что с ними разделались бы свои же ребята. “Мы желаем остаться без всяких наград, – заявили они. – Мы в полку своем будем все одинаковые...”»<sup>2</sup>. «В те времена по-

<sup>1</sup> Паперный В. Культура 2. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – С. 145.

<sup>2</sup> Фурманов Д. Чапаев. – М.: Современник, 1981. – С. 215.

добные случаи были очень, очень частым явлением»<sup>3</sup>, – комментирует рассказчик. Тот же принцип самовосприятия демонстрирует один из персонажей горьковских «Рассказов о героях» (1930–1931). Внешне совершенно непрезентабельный Заусайлов («...очень неказист, растрепан, как-то весь измят, сильно прихрамывает на правую ногу и вообще – поломан»<sup>4</sup>, – описывает его рассказчик) в беседе со случайными попутчиками раскрывается как способный к нерядовым поступкам человек с героическим прошлым. Однако особенным Заусайлов кажется лишь на сравнительно заурядном фоне рубежа 1920–1930-х гг., в контексте же первых послереволюционных лет его судьба – норма, а не исключение из правил: «– Герой, значит, вы, – сказала одна из девиц. – В гражданскую войну за Советы мы все герои были...»<sup>5</sup>

Подвиги периода Гражданской войны воспринимаются современниками как подвиги коллективные, а потому – анонимные. По большому счету, эта эпоха не нуждается в героях. Редкие исключения здесь, скорее, подтверждают общее правило. Следует признать к тому же, что пантеон героев начала 1920-х гг. создавался по преимуществу агитпропом позднейшего периода. Фильм братьев Васильевых о Чапаеве («Чапаев», 1934 г.), «Песня о Щорсе» (муз. М. Блантера, сл. М. Голодного, 1935 г.) и фильм «Щорс» (реж. А. Довженко, 1939 г.), книга<sup>6</sup> и фильм «Котовский» (реж. А. Файнциммер, 1942 г.) о Котовском появились в 1930-х – начале 1940-х гг. Материал для героизации был

предоставлен, конечно, эпохой Гражданской войны, но сами герои родились позднее – не ранее, чем были отработаны пропагандистские механизмы создания концепции подвига.

Активное формирование идеологии героизма началось в стране в 1930 г., когда впервые была модернизирована наградная система СССР, и продолжалось на протяжении всего десятилетия. В период ВОВ концепция героизма, несомненно, достигает кульминации. СССР – единственная страна, где статус героя был формально институционализирован, превратившись в официальное звание «Герой Советского Союза» (утверждено в 1934 г.). Сложный, разветвленный пантеон героев 1941–1945 гг. не идет ни в какое сравнение со скудным списком отличившихся в Гражданскую войну. Определяющим фактором здесь является не только количество действительных проявлений мужества, но и великолепно отлаженная работа идеологического аппарата, выполняющего роль своего рода фабрики по созданию Героев.

Понятие подвига условно, конвенционально. В реальной военной ситуации, как правило, грань, которая отличает героическое поведение от поступков, вызванных пребыванием в экстремальной ситуации, часто бывает попросту неощутима. Тонкий и умный наблюдатель фронтовых будней А. Твардовский в своих военных тетрадах (очерк «О героях») вспоминает характернейший случай: «Человек в первое утро войны вылетел по тревоге, сгоряча сбил шесть самолетов противника, затем был сам сбит. Раненый, с помощью добрых людей поправился и вышел из окружения. Самое сильное его переживание в этих боях первого утра был страх, что это не война, а какое-нибудь недоразу-

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Горький М. Полн. собр. соч.: В 25 т. – Т. 20. Рассказы, очерки, воспоминания (1924–1935) / М. Горький. – М.: Наука, 1974. – С. 290.

<sup>5</sup> Там же. – С. 293.

<sup>6</sup> Шмерлинг Виктор. Котовский (Серия ЖЗЛ), 1937 г.

мение и он, Данилов, сбив шесть немецких бомбардировщиков, наделал, может быть, непоправимых бед. Но когда его подбили и пытались добить на земле два “мессера” из пулеметов, когда он ползал во ржи, преследуемый ими, он таки уверился, что это война, и на душе у него отлегло: все в порядке, не виноват, а, наоборот, молодец. <...> Казалось, что он до сих пор еще сам радуется, что все обошлось так благополучно»<sup>7</sup>. Подвиг делает подвигом отнюдь не характер самого деяния, а совокупность внешних условий. Ошибиться легко: один и тот же поступок оценивается диаметрально противоположно в зависимости от того, война ли случилась, или «какое-нибудь недоразумение». «Трудно на войне выбрать день, когда наиболее выгодно погибнуть, выгодно – в смысле того следа, который оставит твой подвиг и гибель в памяти товарищей, армии, народа»<sup>8</sup>, – разворачивает А. Твардовский ту же мысль в очерке о финской кампании 1939–1940 гг., принесшей, как известно, изрядный урожай трупов, но не героев.

Не стоит даже и упоминать о том, что одни и те же формы поведения советских и вражеских солдат рассматриваются в предельно полярной системе мер и оценок. Вот, например, «полуфантастическая история», рассказанная военкору Твардовскому «жителем некогда прифронтовой <...> стороны»: в глухой лесной деревушке, в то время когда фронт уже далеко ушел на запад, внезапно начался артиллерийский обстрел. В поисках ведущего огонь орудия местные жители забираются далеко в чащу леса и там, наконец, обнаруживают стрелка: «На полянке стояла легкая

полевая пушка, вокруг валялись снарядные ящики, прикрытые давно осыпавшимся хворостом, а возле пушки управлялся один-единственный совершенно одичалого вида немец»<sup>9</sup>. Понятно, что эта обреченная и одинокая война вполне могла бы стать сюжетом очередной легенды, будь ее персонаж на «правильной» стороне. Однако то, что делает советского воина героем, в немецком исполнении представляется не более чем формой девиации: «Признаки безумия были налицо, – заключает рассказчик. – Дикий, потерявший рассудок немец-окруженец палил и палил куда попало. Не могло быть и речи о том, чтобы живьем взять его. На оклик “хендехох” он с яростью начал кидаться ручными гранатами, и его пришлось прикончить»<sup>10</sup>. В другом очерке, посвященном взятию Кенигсберга, до последнего патрона сопротивляющиеся немцы аттестуются как «злобные души, способные на все в отчаянии поражения»<sup>11</sup>.

Середина XX столетия – не эпоха рыцарей, в доблесть противника здесь не принято верить. Среди врагов по определению нет и не может быть героев. Впрочем, даже союзники и единомышленники выглядят сомнительно в героической роли – конечно, с советской точки зрения. М. Кольцов в «Испанском дневнике» (1938) с нотками иронии набрасывает портрет Дурутти, одного из лидеров республиканской армии: «Сам он со штабом расположился на шоссе, в домике дорожного смотрителя, в двух километрах от противника. Это не очень-то осторожно, но здесь все подчинено показу демонстративной храбрости. “Умрем или победим”,

<sup>7</sup> Твардовский А. Проза, статьи, письма. – М.: Известия, 1974. – С. 329.

<sup>8</sup> Там же. – С. 173.

<sup>9</sup> Там же. – С. 346.

<sup>10</sup> Там же.

<sup>11</sup> Там же. – С. 370.

“Умрем, но возьмем Сарагосу”, “Умрем, покрыв себя мировой славой” – это на знаменах, на плакатах, на листовках<sup>12</sup>. Очевидно, что лозунги испанского Народно-го фронта не отличаются от соответствующих пропагандистских клише, популярных в предвоенные и военные годы в Советском Союзе, но, разумеется, последние не вызывают ни тени иронии.

Концепция подвига – несомненно, важный элемент самовосприятия культуры, одно из ключевых представлений, на которых базируется национальная, историческая, классовая самоидентификация носителя культурного сознания. Однако в этом качестве подвиг творится не столько на поле боя, сколько рождается позднее, благодаря работе идеологических механизмов. Первую встречу с будущим героем обеспечивает, как правило, военкор в сводке информбюро, на страницах газетного очерка или в журнальной статье. Затем наступает черед реакции представителей власти – от военного командования разного уровня вплоть до главного лица государства: известно, например, какую роль лично Сталин сыграл в канонизации Александра Матросова – вовсе не первого, кто в годы войны бросился на пулеметную амбразуру. Наконец, в случае положительной резолюции власти вступают в дело все инструменты агитпропа, и в короткое время страна узнает о новом Герое. В этом контексте отнюдь не надуман вопрос об авторстве того или иного подвига. Возможно, имело бы смысл упоминать рядом с именем героя и имя корреспондента, снабдившего того путевкой к славе: Н. Гастелло – П. Павленко и П. Крылов, Лиза Чайкина – Б. Полевой, З. Космоде-

мянская – П. Лидов, А. Маресьев – Б. Полевой и т. д.

В конечном результате именно характер освещения конкретной ситуации в печати определяет ее итоговую оценку; одно и то же событие может при этом выглядеть совершенно по-разному. 27 августа 1941 г. Балтийский флот, в начале войны оказавшийся запертым немецкими войсками в Тааллинской бухте, вырвался из окружения и отошел к Ленинграду. Свидетелем и участником этого маневра стал писатель и журналист Н. Г. Михайловский, не преминувший отобразить весь драматизм событий в очерке «Прорыв кораблей» (1941). После описания бедственного положения рассказчика, смытого во время бомбежки с палубы корабля и не менее половины суток дожидавшегося помощи в открытом море, но в конечном итоге спасенного, следует характернейшая сцена – команда катера обнаруживает в воде юного краснофлотца, из последних сил цепляющегося за мину. Рассказчик, недавно сам переживший подобное испытание, полон сочувствия естественной человеческой жажде жизни юности: «Смерть и спасение! Кажется, и то и другое сосредоточено в этой мине. Отпусти ее хотя бы на миг, лишись ее опоры, и он, обессиленный, не сможет двигаться дальше, пойдет ко дну. Мина сейчас – спасательный шар в этой схватке человека со смертью. А держаться за нее, кто знает, куда прибьет шальная волна и где она взорвется?»<sup>13</sup>. Однако его позиция оказывается посрамлена в первой же беседе со спасенным – курсантом училища им. Фрунзе, демонстрирующим, как выясняется, вполне героический кодекс поведения:

<sup>12</sup> Кольцов М. Избранное. – М.: Правда, 1985. – С. 517.

<sup>13</sup> Михайловский Н. Прорыв кораблей // Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне: в 3 т. Т. 1. – М.: Воениздат, 1957. – С. 21.

«— А как же вы к мне присоседились? — спрашиваю его.

— Плавал-плавал. Смотрю мина. Обрадовался. Схватился за нее. Нет худа без добра. Решил, если подойдут немцы, попробую взять в плен — тогда лучше взлететь на воздух. А живым ни за что не дамся...»<sup>14</sup>

Юный моряк — не alter ego рассказчика, скорее, его антипод: в отличие от последнего, в ситуации испытания он явно больше заботится о качественной смерти, а не спасении. Эта деталь задает градиацию двух моделей поведения в экстремальной ситуации, позволяет ощутить разницу между положением пассивной жертвы обстоятельств и ролью героя, в любых условиях сохраняющего способность действовать во вред врагу. Иначе говоря — в жизни всегда есть место подвигу. Этот вывод и является, конечно, идеологическим заданием очерка.

Судя по всему, тот же самый колоритный эпизод войны на Балтике заинтересовал ленинградца М. Зощенко. Однако в его «Рогулке» (1943) приключения оригинального рассказчика и юноши из училища им. Фрунзе объединяются в одну историю. Как и в первом тексте, после авианалета рассказчик оказывается в воде: «Не знаю, какие там бывают у вас химические или физические законы, но только при полном неумении плавать я выплыл наружу. Выплыл наружу и сразу же ухватился рукой за какую-то рогульку, которая торчала из-под воды»<sup>15</sup>. О природе загадочной «рогульки» рассказчик узнает лишь благодаря упорно его игнорирующим морякам со спасательного катера. Однако разъяснение ситуации не способно ничего в ней изменить, рас-

сказчик не может выпустить мину из рук: «С катера в рупор кричат мне:

— Эй ты, трамтарарам, не трогай, трамтарарам, мину!

— Братцы, — кричу, — без мины я как без рук! Потону же сразу! Войдите в положение! Плывите сюда, будьте так великодушны!

<...> И сам держусь за рогульку так, что даже при желании меня не оторвать»<sup>16</sup>. Пафос самопожертвования, определявший атмосферу первого очерка («...если подойдут немцы <...> лучше взлететь на воздух»), снят. Обнаружив скрытый комизм эпизода, Зощенко полностью его дегероизирует. В целом фельетон вполне по-зощенковски обнажает прагматическую подоплеку рассказанной истории: хочешь жить — и за мину уцепишься. Понятно, что героям в этом произведении места уже не найдется.

Подвиг рождается тогда, когда появляется текст, о нем повествующий — это главное условие работы агитационного аппарата. Излишне говорить, что вся эта пропагандистская машина решает задачи не этические, но политико-идеологические: главное здесь — не соблазны справедливость и наградить достойных, а создать серию примеров для подражания, готовых поведенческих шаблонов, которые бы подсказали, как действовать в исключительной ситуации; гарантировать работу механизма самовоспроизводства подвигов, обеспечить «массовый героизм». Несомненно, эти установки не исключают возможности фальсификации подвига, что, например, произошло в случае с историей о героическом сражении 28 панфиловцев<sup>17</sup>. Вместе с тем

<sup>16</sup> Там же. — С. 364.

<sup>17</sup> В 1948 г. Главная военная прокуратура СССР провела специальное расследование обстоятельств боя у разъезда Дубосеково. В итоговом докладе был сделан вывод, что конкретные детали

<sup>14</sup> Там же.

<sup>15</sup> Зощенко М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. — М.: Руслит, 1994. — С. 363.

именно они, эти установки, определяют непосредственную специфику советского героизма, его характерные черты.

Героический канон Великой Отечественной войны предполагает высокую оценку жертвенности в ущерб результативности. Даже поверхностный взгляд на статистику награждений Звездой Героя Советского Союза позволяет заметить очевидную закономерность: высшая награда СССР дается, особенно в первые военные годы, преимущественно посмертно. Эпоха явно предпочитает страстотерпцев: мученическая смерть здесь котируется неизмеримо выше, чем смелость, инициативность, решительность, смекалка – обычные детерминанты героического поведения. Дмитрий Лавриненко, самый результативный танкист Советской армии времен ВОВ, за 2,5 месяца участия в боях уничтоживший 52 танка – больше, чем кто бы то ни было другой в танковых войсках Советского Союза за весь период войны, – получил свою Звезду только в 1990 г. Лавриненко погиб в декабре 1941 г., но смерть его была негероической – причиной ее был случайный осколок, настигший танкиста уже после боя. Только в 1990 г., на излете советской эпохи, был награжден Александр Маринеско – рекордсмен среди советских подводников времен войны по водоизмещению потопленных им судов. Так и не стал Героем Советского Союза Зиновий Колобанов, превратившийся в живую легенду после беспрецедентного Войсковницкого боя (20 августа 1941 г.), в ходе которого один лишь только колобановский КВ-1 подбил 22 немецких танка, всего же танковая рота под его командованием записала на

---

и обстоятельства боя являлись продуктом вымысла Александра Кривницкого, литературного секретаря редакции газеты «Красная звезда».

свой счет 43 вражеские машины. Примеров подобной несправедливости в истории войны можно найти много. Исключение из этого правила было сделано лишь для летчиков-асов, в первую очередь Ивана Кожедуба и Александра Покрышкина, которым не потребовалось погибать, чтобы получить свою долю заслуженных наград. На другом полюсе этой шкалы ценностей – например, Зоя Космодемьянская, первая женщина, удостоенная в годы войны звания Героя. Ее деятельность с точки зрения военной прагматики имела ничтожный результат, зато смерть, при всей – по большому счету – бесполезности, вполне укладывалась в каноны мученичества.

И.П. Смирнов охарактеризовал сталинскую культуру как мазохистскую в своей основе<sup>18</sup>. Можно утверждать, что, по крайней мере, в военные годы мазохистские тенденции советского социума культивируются вполне целенаправленно. Страна, в которой главным преимуществом перед противником являлось численное превосходство ее населения и, соответственно, возможность постоянного возобновления кадров, училась этим преимуществом пользоваться. В отличие от Германии, поневоле вынужденной дорожить своими человеческими ресурсами, Советский Союз куда более трепетно относился к технике – она была дефицитным товаром, а не люди. Сюжет о спасении персонажем с риском для жизни танков, тракторов, эшелонов или отдельных вагонов с боеприпасами – общее место фронтовой журналистики. Свежеиспеченный артиллерист Богданов, герой очерка А. Твардовского «Солдатская память», сокрушается о потере нового орудия:

---

<sup>18</sup> Смирнов И.П. Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней. – М.: Новое литературное обозрение, 1994.

«Лучше б меня сперва ранило, но чтоб я успел пострелять из этой пушки»<sup>19</sup>.

«Не жизнью, патронами дорожа,

Гибли защитники рубежа»<sup>20</sup>, – пишет в 1943 г. Б. Богатков. И как закономерный итог этой стратегии:

«Ребята молчат. Ребята лежат.

Они не оставили рубежа...

Дисков достаточно»<sup>21</sup>.

Человеческие потери некатастрофичны: в это верят все, в первую очередь – сами обреченные погибнуть. «Нас двести миллионов, всех не перевешаете»<sup>22</sup>, – самоотверженно бросает в лица своих врагов Таня, она же – Зоя Космодемьянская, героиня обессмертившего ее имя очерка П. Лидова («Таня», 1941). «На что рассчитываете? Нас миллионы! Наши идут!»<sup>23</sup> – вторит ей у подножия виселицы подпольщик Луць, героиня романа Д. Медведева «Сильные духом» (1951). Несомненно, отнюдь не каждый пожертвовавший своей жизнью в годы войны был игрушкой идеологии. Но как найти границу, которая отделяет вынужденное от добровольного, внутреннее от свободного? Согласно статистическим подсчетам, демографические потери СССР в период ВОВ составили 26,6 миллионов<sup>24</sup>. Могла ли эта цифра быть меньше? Это, пожалуй, до сих пор – один из самых серьезных и болез-

ненных вопросов отечественной истории XX века.

### Литература

Горький М. Полное собр. соч.: в 25 т. Т. 20: Рассказы, очерки, воспоминания (1924–1935) / М. Горький. – М.: Наука, 1974. – 638 с.

До последнего дыхания. Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне. – М.: Правда, 1985. – 400 с.

Зощенко М. Роголька // Зощенко М. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1: Рассказы. – М.: Русслит, 1994. – 432 с.

Кольцов М. Избранное / М. Кольцов. – М.: Правда, 1985. – 624 с.

Лидов П. Таня / П. Лидов // Военная публицистика и фронтовые очерки. – М.: Худож. лит., 1966. – 607 с.

Медведев Д. Сильные духом / Д. Медведев. – М.: Сов. писатель, 1959. – 486 с.

Михайловский Н. Прорыв кораблей / Н. Михайловский // Фронтовые очерки о Великой Отечественной войне: в 3 т. Том 1. – М.: Воениздат, 1957. – 710 с.

Паперный В. Культура 2 / В. Паперный. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 384 с.

Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Олма-Пресс, 2001. – 305 с.

Смирнов И.П. Психодиахронология. Психистория русской литературы от романтизма до наших дней / И.П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 1994. – 351 с.

Твардовский А. Проза. Статьи. Письма / А. Твардовский. – М.: Известия, 1974. – 784 с.

Фурманов Д. Чапаев / Д. Фурманов. – М.: Современник, 1981. – 287 с.

<sup>19</sup> Твардовский А. Указ. соч. – С. 360.

<sup>20</sup> До последнего дыхания. Стихи советских поэтов, павших в Великой Отечественной войне. – М.: Правда, 1985. – С. 46.

<sup>21</sup> Там же.

<sup>22</sup> Лидов П. Таня // Военная публицистика и фронтовые очерки. – М.: Художественная литература, 1966. – С. 75.

<sup>23</sup> Медведев Д. Сильные духом. – М.: Советский писатель, 1959. – С. 395.

<sup>24</sup> Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил. Статистическое исследование / Под ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Олма-Пресс, 2001.